

О Владимире Петровиче — Учителе и человеке

В.К. Зарецкий*

ГБОУ ВПО г. Москвы «Московский городской психолого-педагогический университет», Москва, Россия
zar-victor@yandex.ru

Вспоминая Владимира Петровича Зинченко-Учителя, почему-то хочется написать о Владимире Петровиче Зинченко-человеке. Хотя его «человеческое» трудноотделимо от его «научного». Как сказала о нем его жена, друг и главный соратник и соавтор (наверное, и ангел-хранитель), Наталья Дмитриевна Гордеева, «психология была его и жена, и любовница, и работа, и хобби».

Владимир Петрович — это человек, который жил психологией. И психология в нем жила, в том смысле, что она была в нем живой. Знание, носителем которого он являлся, всегда было живым. Это было не просто знание, оно существовало не само по себе, не в контексте каких-то систем представлений, оно существовало в самой жизни. Поэтому он легко переходил от Выготского к Мандельштаму, от микроструктуры действия к живописи, от практики к методологии — границ не существовало, как их нет у самой жизни. Есть непосредственный интерес, жажда познания, понимания, ожидания, что вот сейчас, наконец-то, станет понятно, как...

Одна из фраз В.П.: «Я 25 лет изучаю, как работает глаз, и не могу этого понять...». Сказано с глубокой досадой, даже с какой-то детской обидой: «я так старался, а она...»...

Будучи беззаветно преданным психологии, В.П. и других склонен был видеть столь же преданными. Лишь в последние годы его стали посещать сомнения на этот счет... Одна из его фраз, как-то не совсем кстати брошенная в коридоре МГППУ: «Мне кажется, что сейчас некоторые даже «Вопросы психологии» не читают...». Представить себе более глубокого падения профессионализма, чем нерегулярно читать «Вопросы психологии», он, видимо, не мог...

Его рассказы о других, а он любил и умел рассказывать (мне довелось слышать рассказы о Ф.Д. Горбове, о Б.Ф. Ломове, о Э.Г. Юдине, не говоря уже об «отцах-основателях», на руках у которых он рос), всегда были рассказами в первую очередь о людях, в жизнь которых «вкрапывалась наука». В.П. рассказывал (и это подтверждал в своих воспоминаниях В.М. Мунипов), что когда создавался ВНИИТЭ в 1960-х гг., именно В.П. Зинченко агитировал Б.Ф. Ломова возглавить отдел эргономики. Они с Муниповым так расхваливали институт дизайна, так рекламировали отдел эргономики, что когда Ломов отказался (появилась реальная перспектива создать Институт психологии РАН), В.П. подумал: «А по-

чему бы мне и самому не стать начальником отдела эргономики?!», — и немедленно воплотил решение в жизнь...

Одна история, которую Владимир Петрович рассказывал со слов Бориса Федоровича, не имеет отношения к психологии, но врезалась в память именно по тому, как он ее рассказывал. Б.Ф. Ломов был где-то в Испании, зашел в ресторан пообедать. В меню на испанском языке понять ничего было нельзя, официант по-английски не говорил. Б.Ф. ткнул пальцем в меню и ему что-то принесли. Что — непонятно. Как положено русскому человеку, он это посолил, поперчил, густо намазал горчицей, отрезал, положил в рот. Оказалось, что это был ананас... Ломов на секунду взял паузу, а затем продолжил невозмутимо жевать. Сосед по столу, испанец, с удивлением смотрел на Б.Ф., а затем спросил: «Кто Вы?». «И тут на Ломова снизошло вдохновение», — так комментирует эту ситуацию Владимир Петрович. «Я? — Коммивояжер», — ответил Б.Ф. «А что Вы делаете?» — «Торую красным сукном для тореадоров». — «А... тогда понятно», — протянул испанец. Все это В.П. говорил с явной симпатией к тому, про кого рассказывал, хотя это происходило в период самой ожесточенной борьбы, разворачивающейся в то время между ними на поле инженерной психологии и эргономики, на факультете психологии, на поле теории деятельности, в науке вообще...

... Ф.Д. Горбов назвал В.П. Зинченко и Б.Ф. Ломова основателями инженерной психологии, но рекомендовал им оставить это дело, которое уже будет развиваться само, и заняться тем, что в перспективе представлялось более заманчивым и актуальным — психотерапией (поскольку общество больно и скоро оно это поймет). Об этом В.П. рассказывал нам, выпускникам факультета психологии 1975 г., после своей блестящей лекции на конференции молодежного Общества психологов (оно было на правах секции в «большом» обществе психологов). Тогда же, пребывая в особом эмоциональном подъеме после лекции (по-моему, это было в 1981 г.), он продолжал сыпать разнообразными историями, перемежая рассказы о науке всякими курьезами. Поскольку смерть Федора Дмитриевича Горбова для В.П. была все еще недавним событием (1977) и он работал над текстом книги «Я — второе я», то много рассказов было посвящено Горбову. Какой это был человек. Какими были его жизненные принципы. Одна история о нем врезалась в память, учитывая время, в котором мы тогда жи-

Для цитаты:

Зарецкий В.К. О Владимире Петровиче — Учителе и человеке // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 2. С. 24–27.

* Зарецкий Виктор Кириллович. Кандидат психологических наук, профессор кафедры индивидуальной и групповой психотерапии, факультет консультативной и клинической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: zar-victor@yandex.ru

ли... За космические успехи Ф.Д. Горбов удостоился чести быть командированным в США. Тогда для отъезжающих был «партийный фильтр». Рекомендацию в зарубежную поездку должен был обязательно дать райком КПСС. На собеседовании в райкоме выяснилось, что Ф.Д. трижды женат и трижды разведен. Для райкома партии это означало, что человек морально неустойчив, а значит, политически неблагонадежен, и направлять его в США нельзя. Члены райкома стали выяснять. «Почему у Вас три жены?». Ф.Д. ответил: «Если вы считаете, что для Америки три жены много, pošлите меня в Иран, там это никого не удивит». Тогда другой член райкома спросил: А почему Вы развелись с третьей женой? На это Ф.Д. посерьезнел и сказал: «Я очень хочу поехать в США, но даже ради этого я не скажу о женщине плохо...». В США он поехал...

В.П. умел рассказывать о людях, особенно если он ими искренне восхищался. В 1976 году внезапно скончался Э.Юдин, начинания которого обещали долгую и плодотворную линию в методологии науки, в философии и психологии. Он был другом В.П. Зинченко и сотрудником его отдела эргономики. Когда это случилось, В.П. пришел на лекцию по своему курсу методологии психологии, сорвал микрофон, на который шла запись, и «прочитал» лекцию об Эрике Григорьевиче. Я слышал рассказы о той лекции... Жаль, что В.П. снял микрофон...

... В общении с ним все время было ощущение, что вот-вот должно что-то произойти, какое-то чудо, какое-то открытие, что вот появится человек, который наконец-то найдет ответы на вечные вопросы, решит неразрешимые проблемы...

... В свой первый контакт с В.П. Зинченко я испытал это на себе. Это был экзамен по методологии психологии в начале января 1975 г., который В.П. разрешил (желающим) сдавать, проведя методологический анализ собственной курсовой работы. Зная, что В.П. изучает визуальное мышление (в 1973 г. в «Вопросах психологии» вышла статья В.П. Зинченко и В.М. Гордон по визуальному мышлению), я решил сделать методологический анализ собственной курсовой работы по формированию визуального мышления. К этому моменту я уже ушел с кафедры поэтапного формирования П.Я. Гальперина, занимался изучением творческого мышления на кафедре педагогической психологии — и мог позволить себе провести «критический анализ» собственной работы.

Я пошел одним из первых (нам говорили, что Зинченко больше пяти минут экзамен не принимает и, как правило, ставит пятерки), и пока я сдавал, в коридоре среди ожидающих началась паника. Мы проговорили с В.П. более 40 минут про методологию, про визуальное мышление, про поэтапное формирование, про то, возможно ли ввести в систему этапов этап визуализации или нет, после чего В.П. предложил мне продолжить эту работу в возглавляемом им отделе эргономики ВНИИТЭ. Я был польщен этим предложением, но к тому времени уже дал обещание распределиться в Центр управления полетами, где была не только почетная перспектива стать вторым психологом (первым туда распределится с предыдущего курса Р.О. Орестов), но и возмож-

ность заниматься практической психологией (за время обучения на факультете психологии МГУ академические исследования мне порядком поднадоели, они казались искусственными, оторванными от жизни, а хотелось жизни...). Ученым я себя не воспринимал, хотя такое предложение поднимало самооценку... В общем, учитывая еще и явную импульсивность предложения, точнее намек на предложение, я не придал этому должного значения и после окончания факультета отправился в ЦУП, где и проработал ровно три года, после чего... оказался в отделе эргономики ВНИИТЭ, где проработал 7 лет под руководством В.П. Зинченко. Но пришел я заниматься не визуальным мышлением, а в методологическую группу, ту самую, которую создавал Э.Г. Юдин, а после его смерти возглавлял Н.Г. Алексеев...

Вскоре после того как я начал работать в отделе эргономики, один из сотрудников меня спросил: «Как ты считаешь, у нас хороший начальник (речь шла о Зинченко)?». Я затруднился ответить. Тогда он задал другой вопрос: «Что ты делаешь, когда видишь его в конце коридора (во ВНИИТЭ были длинные коридоры)?» — «Подхожу, здороваюсь». — «Вот, значит, хороший начальник! Если бы был плохой, ты бы искал куда спрятаться, чтобы не попадаться ему на глаза».

... Как-то В.П. был занят срочной статьей и попросил меня быстро написать отзыв на диссертацию. Я просидел около часа, читал все еще первую главу, когда он спросил: «Готово?». Я сказал, что еще читаю. Тогда он, уже закончивший статью, представлявшую собой стопку листов, написанных очень крупным почерком, сказал: «У меня рекорд написания отзыва на диссертацию 40 минут... вместе с прочтением». — «Как же это возможно?» — я был искренне удивлен. — «Ну, сначала читаешь название и думаешь, что бы ты сам сделал на эту тему», — сказал В.П. А затем добавил: «Потом смотришь текст, и если совпадает с тем, что ты думал, можно не читать, а сразу писать отзыв». — «А если не совпадает?» — «Тогда можно писать критические замечания!»...

... Лишь после похорон В.П. Зинченко я понял, какую роль в моей жизни он сыграл. Я хотел заниматься практической психологией, поэтому пошел в ЦУП, а затем во ВНИИТЭ, потому что понял, что эргономика из всех известных мне наук «на самой короткой ноге с практикой». Я занимался методологией эргономики, но продолжал в свободное от работы время вести эксперименты по решению творческих задач. В пространстве ВНИИТЭ эти линии никак не связывались. Изучение творческого мышления было работой «для души», «хобби» — так, наверное, сказала бы Наталья Дмитриевна.

В 1980 году отдел эргономики должен был выполнить грандиозную по замыслу и значению работу — выпустить руководство стран-членов СЭВ по эргономике. Поскольку сейчас многие уже не знают, что такое СЭВ, поясню: СЭВ — это Совет Экономической Взаимопомощи, в который входили европейские социалистические страны. По линии СЭВ было развернуто международное сотрудничество по нескольким направлениям, в том числе по эргономике. В СЭВ эргономику представляли Владимир Михайлович Мунипов (зам. директора по науке ВНИИТЭ) и Владимир Петрович Зинченко (зав. отделом эргономики). Подготовить руководство,

объединив специалистов из шести стран (более ста человек), сделав это на мировом уровне, было сложным делом, требовавшим самоотдачи. Меня назначили ответственным секретарем руководства (я так и не выяснил, чья это была идея, но думаю, что Владимира Петровича, так как с В.М. Муниповым мы тогда не часто сталкивались, а В.П. слышал мои отчеты по методологии, и ему могла бы прийти в голову такая «коварная мысль», что методологам полезно не только других учить, но и самим что-то конкретное сделать)...

В 1981 году вышло первое издание, которое называлось «Руководство стран-членов СЭВ. Эргономика: принципы и рекомендации». Но работа продолжалась еще два года, и в 1983 г. вышло второе издание, переработанное и дополненное. Все эти годы В.М. Мунипов был заместителем директора по науке ВНИИТЭ и главным редактором издания, В.П. Зинченко — начальником отдела эргономики и заместителем главного редактора, а я — младшим научным сотрудником и ответственным секретарем «руководства». Наконец, работа над «руководством» закончилась, сотрудничество по эргономике в рамках СЭВ тоже, и Владимир Петрович на собрании отдела сказал, что придумал, как поощрить меня за проделанную работу. «Мы дадим Вам три месяца оплачиваемого творческого отпуска для завершения работы над диссертацией», — сказал он. Это было в декабре 1983 г.

... Надо вспомнить, что когда я пришел на работу во ВНИИТЭ, В.П., посмотрев мой список научных трудов, спросил сразу, почему я не защищаю диссертацию (это было в 1978 г.). Я тогда сказал, что еще не защитился руководитель моей дипломной работы (И.Н. Семенов). Помню, Владимир Петрович тогда сказал: «Да не ждите Вы его! Его руководитель (Н.Г. Алексеев) защитился после 40 лет, и Семенов так же будет тянуть...». Но мне казалось неэтичным, да и нереальным защищать диссертацию раньше руководителя, и больше мы с В.П. к этому вопросу не возвращались. В декабре 1983 эта «награда» буквально «свалилась на голову». Я оказался в отпуске, в распоряжении было три месяца, и было понятно, что если за эти три месяца я не напишу текст, то в том режиме, в котором я работал во ВНИИТЭ, это сделать будет нельзя, а второго отпуска мне уже не дадут... Месяц я думал над названием, второй месяц собирал в единую структуру проведенные эксперименты по решению творческих задач, а в третий месяц написал текст. Закончил в 5 утра в ночь с воскресенья на понедельник, перед выходом на работу. Придя на работу, я положил В.П. на стол текст диссертации. Это был апрель 1984 г. В октябре я защитился...

... В том же 1984 г. В.П. Зинченко ушел из ВНИИТЭ, так как ему предложили кафедру эргономики в МИРЭА, ушел со словами «третий раз мне кафедру уже не предложат». Наш отдел почти год оставался без начальника. Внешнего человека не хотели брать ни начальники, ни сотрудники. Возможности выбора из числа сотрудников внутри отдела были неограниченные, так как у нас даже без В.П. было два доктора и двенадцать кандидатов наук... Опять-таки не знаю, была ли эта идея В.П. или же сработала его интуиция, но в одно из редких посещений бывшего его отдела он пригласил

меня на разговор и сказал, что поскольку я теперь кандидат наук, то могу стать начальником отдела эргономики. Я выразил сомнение, что младший научный сотрудник может сразу же «скакнуть в начальники», но В.П. нашел аргументы, побудившие меня начать размышлять на эту тему. А через некоторое время я получил официальное предложение от В.М. Мунипова возглавить отдел эргономики и руководить им «под его руководством». Так 7 лет я проработал в должности младшего научного сотрудника, а затем еще 7 лет в должности начальника отдела эргономики...

... Сейчас я думаю, что идея В.П. отпустить меня в творческий отпуск была как нельзя кстати. Что такое декабрь 1983 г.? В 1980 все ждали перемен. Переизбрание на очередном съезде КПСС полуживого Л.И. Брежнева, который не выговаривал большую часть слов, в той среде, частью которой был я, воспринималось как крушение надежд. Мы составляли планы на очередную пятилетку, но казалось, что никого эти планы не интересуют. «Руководство стран-членов СЭВ по эргономике» стало оазисом осмысленного дела, которое скрасило атмосферу застоя. Но в 1982 году сотрудничество по эргономике в рамках СЭВ прекратилось. Сменивший Л.И. Брежнева Ю.В. Андропов сделал попытку «встряхнуть страну», про которую В.С. Высоцкий написал: «раскисла, опухла от сна...». Проблема смысла и самоопределения была весьма актуальной. Работать? — Для чего? — Имитировать и получать за это копейки в надежде выслужиться, сделать карьеру, чтобы другие были вынуждены читать то, что ты написал, хотя сам ты в это не веришь... Это был период, когда, говоря словами А.Н. Леонтьева (сказанными, правда, совсем в другом контексте), нужно было «решать задачу на смысл»...

... Решение В.П. отправить меня в творческий отпуск для написания диссертации на тему, которую я сам выберу, на условиях полной свободы и доверия помогло мне обрести смысл, сделать то, что я хотел, написать, о чем думал, а потом и защитить эту работу... Так или иначе, это был поворотный пункт в моей жизни, и связан он был с поддержкой В.П., которую он оказал мне в очень сложный момент...

... До этого была незабываемая поездка в Чехословакию в 1982 г. на последнее в истории стран-членов СЭВ совещание научно-технического совета по эргономике, председателем которого был В.П. Зинченко. Сопроводить его послали меня, хотя я не был сотрудником Координационного центра, в порядке все того же поощрения за хорошую работу над руководством «Эргономика: принципы и рекомендации» (еще за первое издание). Поскольку это было последнее заседание, решений никаких принимать было не нужно. Нужно было подвести итоги, объявить НТС закрытым и попрощаться с коллегами. В памяти осталось последнее — заключительный банкет, на котором солировал В.П. Зинченко. Меня всегда поражало, с какой легкостью и всегда к месту он рассказывает анекдоты или просто веселые жизненные истории. Это был особый талант. Он сам получал глубочайшее удовольствие от своих рассказов и заражал своим настроением окружающих. Застолье превращалось в кураж, но не от спиртного, а от энергии, которой заряжал всех В.П. Он провозгласил тост за каждого предста-

вителя каждой страны, никого не забыв, найдя для каждого приятные слова, рассказав анекдот...

Через 18 лет, в 2000 г., В.П. солировал подобным же образом на встрече нашего курса, посвященной 25-летию выпуска факультета психологии. Он хвалил наш курс, очень переживал за факультет психологии и, передавая свою боль, в выражениях не стеснялся... Вспомнилось, что когда умер А.Н. Леонтьев, мы очень надеялись, что деканом будет В.П. Зинченко. Он казался нам идеальной кандидатурой. Еще молодой, талантливый, яркий человек, разносторонне образованный, культурный во всех смыслах этого слова; блестящий лектор, ученый с реальным вкладом в науку, широко мыслящий; непосредственный преемник эстафеты «отцов-основателей», одним из которых был его родной отец; идентифицирующий себя с психологией, поддерживающий разные направления, а не только свое... Он не только не стал деканом, но и вскоре вынужден был оставить кафедру инженерной психологии, перейдя в МИРЭА.

... Сам В.П. высказывал предположение, что причиной стал его чересчур «острый язык». Иногда это был не просто острый язык, а настоящее жало, особенно если В.П. был чем-то искренне возмущен (а поводов для возмущения у нас во все времена было предостаточно). Иногда это была веселая шутка, которая могла быть и не очень кстати. Помнится, он приехал с переговоров в МИРЭА во ВНИИТЭ и рассказывал, что, наверное, его туда не возьмут. Почему? — «Я сказал ректору МИРЭА, что лекторов после 60 лет нужно отстреливать, а потом сообразил, что ему 63 и он все еще читает лекции». А чего могли стоить в советское время шутки В.П. типа: «Все науки в СССР делятся на естественные и неестественные, которые еще называют общественными»... Способность В.П. никогда не терять оптимизм вполне уравнивала эту не всегда политически уместную острогу языка.

... На защите докторской диссертации В.М. Мунипова, которая проходила на заседании Ученого совета, где большую часть составляли военные (других советов по эргономике тогда не было), возникла сложная ситуация. Значительная часть списка научных трудов В.М. Мунипова была написана в соавторстве с В.П. Зинченко, причем его фамилия везде была первой. (Было время, когда многие думали, что «Зинченко-Мунипов» это один человек. Сам В.П. рассказывал, что он однажды приехал в какой-то город и сказал «Я — Зинченко», а ему в ответ: «А где Мунипов?») В Ученом совете нашлись люди, которые задали резонный вопрос о «личном вкладе соискателя», о его доле в соавторстве. Повод отчасти дал сам

Владимир Михайлович, который по природной скромности не к месту несколько раз подчеркнул, что это работа большого коллектива (которую он защищает). Но коллектив привлечь не стали, а к главному соавтору обратились с вопросом, в чем вклад соискателя. Ответ Владимира Петровича надо было слышать. Наверное, только он мог, выйдя на трибуну, обращаясь к военным, сделать заявление, которое вынудило всех сомнеющихся замолчать. Суть заявления состояла в том, что В.П. к этим совместным трудам никакого отношения не имеет, все писал В.М. Мунипов, но так получилось, что труды выходили совместными. Это была суть, а форма была такой, что тем, кто задал этот вопрос, должно было стать немножко стыдно (я не удержался и под впечатлением от речи В.П. сочинил песню, которая так и называлась «Выступление главного соавтора»).

Преданность психологии, преданность другу и соратнику на протяжении многих лет, преданность отечественной традиции в психологии — слова, в которых можно говорить о В.П. Вспоминается курьезный случай, который произошел на лекции, которую он читал на конференции молодежного общества психологов СССР. Это был период «наступления на теорию деятельности», когда критика, особенно со стороны ИП АН СССР, шла полным ходом. В.П., который еще недавно (при жизни А.Н. Леонтьева) был одним из критиков теории деятельности, стал одним из самых ярых ее защитников. Та лекция была, как всегда, блестящей, а пафос ее был в том, чтобы обосновать преимущества теории деятельности перед другими теориями в психологии. Свою лекцию В.П. Зинченко завершал словами: «Я не знаю другой такой психологической теории...», но за свою лекцию он столько раз произнес слова «психологическая теория деятельности», что у него получилось: «Я не знаю другой такой психологической теории деятельности...», при этом он поднимал кулак, чтобы ударить по кафедре. Он извинился, начал фразу сначала, но опять получилось «другой такой психологической теории деятельности...». В.П. снова извинился, снова начал фразу сначала, снова поднял кулак, и снова сказал «я не знаю другой такой психологической теории деятельности...». Остановился, улыбнулся и... больше ему сказать ничего не дали, так как слова заглушил гром аплодисментов.

... Прочитал текст. Получилось о человеке. А об Учителе? Думаю, все это и были «уроки» — уроки преданности психологии, умения восхищаться другими, видеть и признавать свои ограничения, быть непримиримым, но мудрым (различать, что ты можешь изменить, а что нет), уроки вдохновения...

Vladimir Petrovich Zinchenko: The Teacher and the Man

V.K. Zaretsky*

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
zar-victor@yandex.ru

For citation:

Zaretsky V.K. Vladimir Petrovich Zinchenko: The Teacher and the Man. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2014. Vol. 10, no. 2, pp. 24–27. (In Russ., Abstr. in Engl.).

* Viktor K. Zaretsky. Ph.D. in Psychology, professor, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Department of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. E-mail address: zar-victor@yandex.ru